

те некоторые редакции. (в частности, разбираемая здесь) очень далеки от первоначального текста.

Введение автором редакции -е- эпизода о поклонении копью Александра и его переделка рассказа о символических дарах царя Дария показывают, что эта редакция не была механической контаминацией различных источников, а представляет собой самостоятельную переработку сюжета в духе поэтики фольклорного повествования.

И. А. ДВОРЕЦКАЯ

ПАВЕЛ ВАРНЕФРИД КАК ИСТОРИК И ЭТНОГРАФ
(К вопросу о влиянии позднеримской культуры
на мировоззрение писателя)

Творчество лангобардского писателя Павла Варнефрида (Павла Диакона) изучается в истории позднелатинской литературы около столетия. По немногим известным науке фактам реконструирована биография ученого, изданы и прокомментированы его труды, в отдельных частных исследованиях выявлены эпический элемент и источники исторических сочинений¹. Результатом источниковедческой критики явилась весьма противоречивая оценка Павла Диакона как историка. С одной стороны, его сочинения служат основным материалом к изучению политических событий в Италии V—VIII в., восполняя пробелы византийской историографии. С другой стороны, историки отмечают неосведомленность автора, не-

¹ Ф. Дан поставил вопрос о соединении в исторических повествованиях Павла Диакона саги с подлинной историей (*Dahn F. Germanische Studien. Sechste Reihe. Berlin, 1884, s. 123—150*). Т. Моммзен высоко ценил литературный талант Павла Диакона, по стилю и характеру обработки источников предпочитая его Григорию Турскому и защищая от обвинений Вайтца в склонности к компиляции (*Mommsen Th. Die Quellen der Langobardengeschichte des Paulus Diaconus. In: Gesammelte Schriften. Berlin, 1910, B. VI, s. 485—539*). Литературную деятельность историка изучали К. Нефф, М. Манициус (*Manitius M. Geschichte der Lateinischen Literatur des Mittelalters. B. I. München, 1965, s. 257—272*). Р. Джачинто проанализировал источники «*Historia Langobardorum*» (*Giacinto R. Storia politica d'Italia. Le dominazioni barbariche in Italia (395—1024). Milano, 1909*). Современная итальянская историография продолжает это направление, проявляя интерес к различным аспектам личности Павла Диакона (*Sestan E. Qualche aspetto della personalità di Paolo Diacono nella sua «Historia Romana». Italia Medievale. Napoli, 1967, p. 50—75; Bognetti G. Processo logico e integrazione delle fonti nella storiografia di Paolo Diacono. L'età Longobarda. III. Milano, 1967, p. 159—184*).

пределенность и даже ошибочность некоторых суждений², невнимание к отдельным сторонам общественной жизни³, в целом сомнительную интерпретацию событий⁴. В процессе источниковедческой работы над произведениями Павла Диакона обнаружилась необходимость внимательного рассмотрения мировоззрения историка с точки зрения его отношения к античной историографии. Специальных исследований такого направления пока нет. Со времен Ф. Дана утвердилось мнение о Павле Диаконе как историке-патриоте, прямодушном бытописателе своего народа, глубоко переживавшем его трагедию и сохранившем преданность лангобардской старине⁵.

² П. И. Аффо упрекал Павла Диакона за игнорирование сведений античной географии в перечислении названий крепостей Эмилии, захваченных Лиутпрандом (см.: *Affo P. I. Storia della città di Parma*. Т. I—IV. Parma, 1792—1795). Л. М. Гартман находил в рассказах о междоусобицах много романтического, а в изложении обстоятельств лангобардского завоевания неясного, спорного и противоречивого. Некоторую небрежность в использовании источников он отметил при разборе отрывка о терциях (*Hartmann L. M. Geschichte Italiens im Mittelalter*. В. II, t. I. Götha, 1900, s. 43). М. Манициус указывал на беглость обработки источников и искажение отдельных фактов в «*Historia Romana*» (*Manitius M. Op. cit.*, s. 262). Д. Фазоли находит неточности в «*Historia Langobardorum*» (перечень герцогов VI в., сообщение об одновременном функционировании арианской и католической епископской церкви во всех городах Северной Италии (*Fasoli G. I. longobardi in Italia*. Bologna, 1965, p. 27).

³ К переходу от арианства к католицизму (*Dannenbauer H. Die Entstehung Europas*. В. I. Stuttgart, 1959, s. 19—20), к экономическому состоянию так называемой «лангобардской цивилизации» (*Tagliaferri A. I Longobardi nella civiltà e nell'economia italiana del primo medioevo*. Milano, 1965, p. 7, 14).

⁴ А. Джонс в трехтомной монографии о поздней Римской империи назвал Павла Диакона ненадежным источником (*Jones A. H. M. The Later Roman Empire*. V. I. Oxford, 1964, p. 303). Д. Фазоли и Дж. П. Бонетти ставили использование и интерпретацию всех источников Павлом Диаконем в связь с единым процессом, служившим замыслу его труда, подтверждению всех положений. Д. Фазоли сделала вывод о том, что пользоваться Павлом Диаконем, как источником, можно с большой осторожностью, тщательно проверяя все его известия (*Fasoli G. Op. cit.*, p. 26, 28).

⁵ Ф. Дан приписывал Павлу Диакону «горячее, верное сердце лангобарда». Односторонне интерпретируя немногие факты его биографии, Ф. Дан пытался доказать, что историк всегда оставался чуждым официальным политическим кругам франкского императора (*Dahn F. Op. cit.*, s. 137—139). В советской историографии подобную оценку мировоззрения Павла Диакона разделяли О. А. Добиаш-Рождественская и А. Д. Люблинская (Добиаш-Рождественская О. А. Ранний фриульский минускул и одна из проблем жизни и творчества лангобардского историка VIII в. — В кн.: *Вспомогательные исторические дисциплины*. М.—Л., 1937; Люблинская А. Д. Источниковедение средних веков. Л., 1955, с. 58). И. Н. Голенищев-Кутузов отрицал прокатолическое направление «*Historia Langobardorum*» (*Средневековая латинская литература Италии*. М., 1972, с. 159).

Правда, еще Т. Моммзен отмечал в историческом повествовании Павла Диакона равноправное сопоставление римской и германской традиций, стремление включить лангобардскую историю в общейталийскую и даже всеобщую⁶.

Современная итальянская историография выделяет в личности Павла Диакона два момента: глубокое религиозное чувство и «политически-национальную чувствительность», то есть «лангобардский патриотизм»⁷. При разборе «Historia Romana» Э. Сестан видит в Павле Диаконе, как историке, не мыслителя и теолога в отличие от его современников, а прежде всего литератора, художника, излагавшего драматические факты, интересные эпизоды и курьезные анекдоты⁸. Подобная трактовка личности Павла Диакона в значительной степени обедняет его интеллект, игнорирует преемственность культурно-исторических традиций, унаследованных от античной историографии, и творческое их восприятие в новой политической обстановке.

Творчество этого блестящего представителя Каролингского возрождения отразило интенсивный процесс формирования этнического и политического самосознания своего народа под непосредственным влиянием ведущих направлений культурно-исторической жизни эпохи⁹. Античная и позднеримская традиции в его мировоззрении органически соединились с христианско-богословскими концепциями, испытав значительное воздействие византийской историко-политической мысли.

В этом плане рассмотрение главного исторического произведения Павла Диакона, его «Истории лангобардов» дает

---

⁶ *Mommsen Th. Op. cit.*, s. 485—512. Не отвергая «живого национального чувства» Павла Диакона, обостренного падением Лангобардского королевства, Т. Моммзен отрицал оппозиционное настроение историка в отношении к Карлу Великому и высказал небезосновательное предположение о том, что Павел Диакон думал о написании третьей части истории Италии в виде *gesta Francorum*.

⁷ *Sestan E. Op. cit.*, p. 52; *Lopez R. S. The birth of Europe. Philadelphia. New York, 1967*, p. 44. Д. Фазоли соответственно определяет политическую цель написания «Истории лангобардов» как стимул к возрождению могущества королевства (*Fasoli G. Op. cit.*, p. 21).

⁸ *Sestan E. Op. cit.*, p. 65; *Holder Egger O. Untersuchungen über einige annalistische Quellen zur Geschichte des 5. und 6. Jahrhunderts. Neues Archiv*, v. I. 1876, s. 30.

⁹ О логическом процессе соединения лангобардского самосознания с латинской культурой писали Дж. Фазоли и Л. Мюссэ (*Fasoli G. Op. cit.*, p. 21; *Musset L. Les invasions. Paris, 1965*, p. 147).

чрезвычайно много интересного. «*Historia Langobardorum*»¹⁰ принадлежит целой серии «Историй», посвященных народам варварского происхождения, написанных в VI—VIII вв. под непосредственным влиянием позднеантичной историографии. Труды Аблавия и Иордана, Исидора Севильского, Григория Турского, Беды, Секунда-исторические повествования о великих подвигах народа в прошлом и не менее значительных деяниях в настоящем должны были показать политическую активность народа-завоевателя и доказать его право быть достойным преемником Римской империи. Создание таких «Историй» соответствовало началу формирования политической идеологии в среде варваров, легко воспринимавших политические идеи императорского Рима.

Не вступая в дискуссию по поводу спорных моментов биографии Павла Диакона, отметим наиболее существенные этапы жизненного пути, повлиявшие на формирование мировоззрения историка и его интеллектуальной культуры. Павел Диакон вырос в семье знатного фриульского лангобарда (родился в 20-е гг. VIII в.) и получил классическое по тому времени образование у известного грамматика Флавиана. Павел Диакон изучал греческий язык, а это было редкостью даже в кругу деятелей Каролингского возрождения. Изучение греческого языка облегчило Павлу Диакону знакомство с византийской литературой¹¹. Античную классическую литературу он знал довольно широко, об основательной филологической подготовке писателя свидетельствуют цитаты не только из Гомера, Платона, Цицерона, Вергилия, Горация, но и из Эния, Пакувия. Латинские риторы и поэты VI в., почитаемые в средние века (до XI и заново с XVI в.), как классики, заслужили высокую похвалу Павла Диакона. Он посетил могилу Венанция Фортуната и посвятил ей восторженную эпитафию. С большим уважением отзывался о грамматике Феликсе из Павии (*Pauli Hist. Lang. VI, 7*), Бенедикте Криспе из Милана, наставнике в изучении семи свободных искусств, авторе медицинской поэмы, составленной по образцу Серена

¹⁰ Pauli *Historia Langobardorum. Scriptorum rerum Germanicarum. Hannoverae, 1878* (в тексте сокращенно — *Pauli Hist. Lang.*). Об изданиях «*Historia Langobardorum*» в Италии писал П. Ф. Палумбо (*Palumbo P. F. Studi medievali. Napoli, 1949, p. 174, 175*). П. Ф. Палумбо констатировал, что в итальянских изданиях Павел Диакон более известен как литератор, чем историк.

¹¹ По поводу греческих штудий Павла Диакона писал М. Манициус (*Manitius M. Op. cit., s. 258. Anm. 3*).

и Плиния, о поэте и риторе Стефане из Павии, писавшем по заказу Кунинкперта с извлечениями из Вергилия¹². На основе изучения классической литературы Павел Диакон написал поэму, в которой упомянул особо почитаемых в его время античных поэтов (среди них Лукан, Кальпурний, Вергилий, Овидий, Намациан). Знал и охотно цитировал Павел Диакон и христианских поэтов Седулия, Фортуната, Ювенка, Аратора¹³.

Долгое время Павел служил при дворе лангобардских королей в должности нотариуса и государственного секретаря, был учителем и наставником Адельперги, дочери Дезидерия, которая впоследствии стала женой беневентского герцога Арихиса¹⁴. Вероятно, Адельперга была близка с ученым миром королевского двора, и ее духовное развитие шло в рамках формирования новой идеологии. В надписи на ее могиле Павел Диакон увековечил память о высокой образованности, отличавшей дочь Дезидерия среди других членов королевской фамилии: «*Quod logos et phisis moderansque quod ethica pangit, omnia considerat mentis in arce suae*»¹⁵. Первый свой исторический труд «*Historia Romana*» Павел Диакон посвятил Адельперге, и вряд ли только дидактические задачи толкнули его к написанию «*Римской истории*», как полагает Э. Сестан¹⁶. Адальперге был известен весьма занимательный «*Бревиарий римской истории*» Евтропия, общепринятый учебник еще в эпоху поздней империи, и для обучения и простого

¹² Сохранение классической традиции в VI—VIII вв. отметил Ф. Рэйби (*Raby F. A History of secular latin poetry in the middle ages. V. I. Oxford, 1957, p. 161*). Современники Павла Диакона, риторы из городов Северной Италии были тесно связаны с античной культурой и не упускали случая блеснуть своим классическим образованием в искусстве сочинения ритмов. Города и королевский двор Павии стали теми культурными центрами, где ученые клирики старались сохранить уважение к памятникам античной культуры (*Fournier G. Histoire medievale. Paris, 1970, p. 168*).

¹³ Список авторов, почитаемых Павлом Диаконом, не отличается от других, известных в эпоху Каролингского возрождения (*Raby F. Op. cit., p. 181*). М. Манициус сообщает, что Павел Диакон привез франкам из Италии кодекс буколик Намациана и Кальпурния (*Manitius M. Op. cit., s. 270. App. 5*). Из лангобардской Италии пришли и *Florilegia*, собрание извлечений из латинских поэтов для школы (*Raby F. Op. cit., p. 181, p. 4*).

¹⁴ Ф. Дан предполагал, что фриульский род Варнефридов никогда не терял связи с беневентскими правителями, выходцами из Фриуля (*Dahn F. Op. cit., s. 127*).

¹⁵ *Manitius M. Op. cit., s. 257*.

¹⁶ *Sestan E. Op. cit., p. 67*.

удовлетворения возникшего интереса можно было им ограничиться. Однако в посвящении к «Римской истории» Павел Диакон объясняет, что Адальперге, отличавшейся особой утонченностью в занятиях науками, не нравилась чрезмерная краткость Евтропия. Он же, будучи не просто учителем, но постоянным покровителем ее штудий¹⁷, составил «Римскую историю» заново, расширив и продолжив повествование вплоть до середины VI в.¹⁸ Выбор Евтропия, как основного источника первых десяти книг, не был случайным, этот автор являлся идеологом придворных императорских кругов в IV в. Вероятно, глубокие духовные связи соединяли замысел Павла Диакона с политическими интересами и запросами господствующей придворной верхушки лангобардского общества второй половины VIII в. Современники считали Павла Диакона не только ученым и мыслителем, достигшим вершин мудрости¹⁹, но и реальным политиком, идейно и политически связанным с правящей верхушкой²⁰. «Римская история» была написана накануне франкского завоевания Италии в обстановке ожесточенной социально-политической борьбы в Лангобардском королевстве. Натиск франков, растущее могущество империи Карла Великого и внутренние распри, ослаблявшие сопротивление лангобардов, — все это заставляло пристально вглядываться в судьбы Римской империи и сущность византийской политики на Западе. «Римская история» доведена до середины VI в. и в ней уже была высказана мысль о последующем продолжении ее вплоть до современных историку событий. Дополнения, сделанные к Евтропию²¹, последовательное изложение истории V и первой поло-

¹⁷ «...elegantiae tuae studiis semper fautor...» (*Manitius M. Op. cit., s. 259*).

¹⁸ Э. Сестан считает, что вторая часть «Римской истории» (книги XI—XVI) представляет собой оригинальный труд историка на базе глубокой обработки различного рода источников в едином стиле. Павлом Диаконем использованы Юстин, Аврелий Виктор, Фронтин, Орозий, Иордан, Григорий Турский, Исидор Севильский, Беда, Еннодий, Проспер, Евгиппий и другие авторы (*Sestan E. Op. cit., p. 52—59; Manitius M. Op. cit., s. 262*).

¹⁹ «...Omnia sophiae caepisti culmina sacrae, Rege monente pio Ratchis, penetrare decenter...» (*Manitius M. Op. cit., s. 259*).

²⁰ *Ibid.*: «...regalis protimus aula ob decus et lumen patriae te sumpsit alendum... ..Eximie dudum Bardorum stemmate gentis... ..sumpsisti generis ortum...».

²¹ В раздел о римских завоеваниях в долине По включает рассказ об инсубрах и их борьбе с римлянами (IV, 3). Прием дополнения своего источника отметили Э. Сестан и Д. Бонетти (*Sestan E. Op. cit., p. 71, p. 81; Bognetti G. P. Op. cit., p. 159—184*).

вины VI столетия, потребовавшее обширных знаний западных и византийских источников, намерение дать логическое завершение начатого труда свидетельствуют об огромной эрудиции историка, определенном литературном таланте, и, безусловно, о складывающейся в процессе работы историко-политической концепции. Если в «Римской истории» она не может быть выявлена даже в самых общих чертах, хотя историк находил в реальной расстановке борющихся политических сил в Италии в VI в. результаты завоевательной политики Византии, то в «Истории лангобардов» политическая мысль автора выражена более отчетливо. Идею римского единства, свойственную позднеантичной историографии, Павел Диакон переносит на понимание путей развития варварского общества. Он сосредоточил внимание на разоблачении происков Византии в борьбе за Италию, заинтересовался вопросами этнической общности германских племен, развития варварской государственности и подвел читателя к пониманию превосходства государственного начала над центробежными силами ранневарварского общества. По мнению большинства ученых, Павел Диакон писал «Историю лангобардов» после падения Лангобардского королевства во время пребывания в монастыре, будучи «ссылным, беспомощным и беззащитным»²². Против одностороннего подхода к рассмотрению мотивов, побудивших Павла Диакона взяться за сочинение истории лангобардов²³, могут быть выдвинуты некоторые возражения. Затворничество в монастыре вряд ли было вынужденным. В библиотеке монастыря историк находил нужные рукописи, дополняя полученные сведения личной информацией: он много путешествовал по Италии, в 782 г. предпринял поездку во Франкское государство. Та свобода и точность, с которыми он описывает большие города Северной Италии, Рим, Беневент, позволяют догадываться о тщательной предварительной под-

---

²² Ф. Дан, М. Манициус, Д. Фазоли считают пребывание в монастыре Монте Кассино ссылкой за участие в заговоре фриульской знати против Карла Великого (*Dahn F. Op. cit.*, s. 131—132; *Manitius M. Op. cit.*, s. 258; *Fasoli G. Op. cit.*, p. 18—19). Катастрофа лангобардов в Италии стала личной для писателя, поэтому историю своего народа Павел Диакон мог написать только в период 766—774 годов (*Dahn F. Op. cit.*, s. 128—130; *Manitius M. Op. cit.*, s. 257). Д. Фазоли полагает, что труд был завершен в 787 г. после поездки ко двору Карла Великого (p. 19).

²³ Одни (Ф. Дан, Д. Фазоли, М. Манициус) видят в Павле Диаконе только страстного патриота, другие панегириста Карла Великого (*Balbo C. Della storia d'Italia. Losanna, 1846, p. 89*).

готовке к написанию «Истории лангобардов». Богатство собранного по устным и литературным источникам материала свидетельствует о том, что замысел возник еще в предшествующие годы, а политические события последних десятилетий существования Лангобардского королевства сделали историка политически тенденциозным писателем. Отдельные части «Истории лангобардов» создавались в разное время, об этом можно судить по различию стиля первых и последних книг²⁴, по характеру географических описаний, сделанных автором с различных позиций своего местопребывания²⁵, по наличию общих мест в объяснении лангобардских понятий, сделанных в извлечениях из Феста и в «Истории лангобардов»²⁶. Против затворничества в Монте Кассино говорит и факт обращения к Карлу Великому с просьбой о помиловании брата, затем путешествие к франкам с явным стремлением наладить контакты с новым правителем Италии. В письме к аббату Монте Кассино он сообщает, что император благосклонен к нему, «пытается удержать» около себя²⁷. В стране Павел Диакон чувствует себя свободно, пишет историю епископства Меца, путешествует по Мозелю. Вполне вероятно, что пребывание во Франкском государстве дало ему дополнительный источник в освещении франко-лангобардских отношений в «Истории лангобардов».

Для выяснения политических взглядов и мировоззрения историка немаловажное значение имеет это шестилетнее общение с придворными кругами франкского императора (782—788 гг.)²⁸. Доброжелательность приема, оказанного лангобардскому поэту и ученому, не вызывает сомнения у исследователей биографии Павла Диакона. Об этом же свидетельствует намерение Карла отправить его в составе франкского посольства в Константинополь, поручение составить стихотворные эпитафии на смерть жены, дочерей и других членов

²⁴ Manitius M. Op. cit., s. 269. Anm. I.

²⁵ В первой книге описание провинций идет с севера и предполагает взгляд автора с севера на юг. В третьей книге описание направления меняется: Милан остается справа, а Комо становится левой стороной Италии. В шестой книге Павел Диакон называет Павию и Брешию расположенными trans Padum, то есть со стороны Беневента.

²⁶ Manitius M. Op. cit., s. 265.

²⁷ Ф. Дан интерпретирует это место как риторическое выражение, означавшее изъятие воли императора (Dahn F. Op. cit., s. 136).

²⁸ Некоторые франкские источники, обработанные в «Истории лангобардов», были собраны в этот период. Например, легенда о Гунтрамне (Pauli Hist. Lang. III, 34).

королевской семьи. Следует учесть восхваление родоначальника Каролингов в истории епископства Меца, а также обращение Карла к Павлу Диакону по поводу написания некоторых произведений светского и церковного содержания и посвящения, адресованные автором императору²⁹. Определенные идеологические связи и контакты должны были иметь место, они связывали духовно представителя лангобардской знати с господствующей верхушкой франкского общества. Еще М. Манициус отметил, что Павел Диакон приблизился к осмыслению политической значимости фигуры Карла Великого, находя объяснение этому в понимании культурно-исторической преемственности франкской и античной культур³⁰.

Не исключено, что окончательная обработка «Истории лангобардов» была сделана в Монте Кассино, об этом говорит и сам автор (Pauli Hist. Lang. I, 26; VI, 41). Итак, время написания этого сочинения охватывает длительный период, и пребывание во Франкской империи имело определенное значение в формировании политической тенденциозности автора. Если признать, что смерть, последовавшая в 799 г., помешала Павлу Диакону закончить задуманный труд³¹, то замысел оправдания франкского завоевания остался неосуществленным. Если же признать, что история лангобардов преднамеренно завершена правлением Лиутпранда, последнего короля, отмеченного величием и могуществом, то тенденциозное игнорирование событий последних десятилетий существования королевства может быть объяснено стремлением уйти от обсуждения спорных политически актуальных проблем современности, чтобы подвести к пониманию истории лангобардов, как части всеобщей истории.

«История лангобардов» Павла Диакона в сочетании с «Римской историей» раскрывает более ранний замысел историка — создать широкое полотно по типу всеобщей истории. Об этом свидетельствует обещание, данное в «Римской истории», продолжить ее до современных автору событий, а также углубленное изучение римской истории от основания Ри-

²⁹ По просьбе Карла Великого Павел Диакон составил *Homiliensammlung*, сделал извлечения из Феста, написал комментарий к Донату, который использовался в качестве школьной грамматики (*Manitius M. Op. cit.*, s. 264—272).

³⁰ *Manitius M. Op. cit.*, s. 264.

³¹ *Dahn F. Op. cit.*, s. 150; *Mommsen Th. Op. cit.*, s. 512; *Manitius M. Op. cit.*, s. 259, обещание продолжить «in loco proprio...» (Pauli Hist. Lang. VI, 58).

ма, особое внимание к римским древностям, большой круг западных и византийских источников, привлекаемых для описания событий V—VIII вв., интерес к политике Запада и Востока, однотипное начало обеих историй³². Последнюю 16-ю книгу «Римской истории» завершают слова: «...quia vero restant adhuc, quae de Justiniani Augusti felicitate dicantur, in sequenti... libello promenda sunt». Вместо этой «следующей книги» появились шесть книг лангобардской истории. Павел Диакон создавал свою историческую концепцию на основе признания последовательного исторического развития народов, их взаимосвязей и дальнейшего прогресса. Он глубоко осознал культурно-этническую общность германских народов, их роль в историческом развитии. Уважение к традициям римской культуры не противоречило пониманию этого исторического развития на новом этапе создания варварского государства. В этом плане можно рассматривать и обещание продолжить «Историю лангобардов», весьма вероятно, по типу продолжения «Римской истории». Э. Сестан считает, что только римская история воспринималась Павлом Диаконем как всеобщая, а в ее рамки включалась история отдельных народов. Во взаимодействии этих частей единой истории он, якобы, не делал большого различия между победителями и побежденными³³. Связь между «Римской историей» и «Историей лангобардов» представляется Э. Сестану не прямой восходящей линией исторического прогресса, а замкнутой внутри единого культурно-исторического круга. Главным доказательством высказанной гипотезы служат так называемые «антиварварские» настроения Павла Диакона в «Римской истории». Речь идет об оценке деятельности некоторых варварских вождей и поведении варварских групп в определенной политической ситуации. К этому можно добавить подобные характеристики в «Истории лангобардов» (поведение лангобардов в начале завоевания, в период герцогского произвола, герцогские мятежи и междоусобицы. Эти «антиварварские настроения» Павла Диакона навеяны не только позднеимперской и византийской оценкой деятельности некоторых варварских вождей, но и глубоким убеждением историка в силе и действенности крепкого государственного начала и

³² Римскую историю Павел Диакон начинает с переселения Сатурна и Энея, а лангобардскую с переселения лангобардов под предводительством своих вождей.

³³ Sestan E. Op. cit., p. 74.

политического единства. Те политические деятели из среды варваров, которые рассматривались позднеримской и византийской историографией как разрушители государственного единства империи и пособники варварских бесчинств, отрицательно охарактеризованы и Павлом Диаконом³⁴. Такой подход к изучению исторической концепции Павла Диакона устраняет кажущееся противоречие между характеристикой варварских вторжений в Италию, в том числе и лангобардов (кн. 1), и выводом о счастливом правлении последних («...postea in Italia feliciter regnavit...»).

Павел Диакон был далек от прямолинейного прославления франкского завоевателя и рабски униженной лести побежденного. Он осмыслил политический переворот как политик и историк-философ, находя в лангобардской истории положительные аспекты, соответствующие его исторической концепции. Отсюда восхваление спокойствия, наступившего при Аутари, гордость победами над франками в пору могущества Лангобардского государства, примирение с Григорием Великим и осуждение его преемников, противодействовавших государственному единству и политической самостоятельности королевства. Для Павла Диакона эти славные страницы прошлого — не проявление «узкого национализма», как пишет Д. Фазоли³⁵, а обоснование концепции о реальной силе государственности. Политическая идея создания сильного государства, опирающегося на церковь, лежит в основе «Истории лангобардов». Если Э. Сестан говорит о трудности понимания романо-христианско-варварского духовного мира³⁶, то этот тезис вполне приложим и к позиции Павла Диакона, отразившего целый этап в формировании политической идеологии нового классового общества каролингской эпохи. Гипотеза, высказанная Д. Фазоли, о замысле написать историю лангобардов по побуждению ученых деятелей каролингской придворной Академии и даже самого Карла Великого³⁷

---

³⁴ Павел Диакон осуждает Стилихона «Wandalorum perfidiae et dolosae gentis genere editus» (Historia Romana XII, 16), Радагайса («omnium antiquorum praesentiumque hostium longe immanissimus Radagaisus rex Gothorum» — Hist. Romana XII, 11), Редимера и его «barbarica perfidia» (XV, 3). Мир и спокойствие считал основой политического могущества и самоутверждения народа, эту мысль он выразил в письме-посвящении Адельперге в 763 г. (*Manitius M.* Op. cit., s. 257. Anm. I).

³⁵ Fasoli G. Op. cit., p. 22, 23.

³⁶ Sestan E. Op. cit., p. 75.

³⁷ Fasoli G. Op. cit., p. 20, 21.

имеет веские основания. «История лангобардов действительно освещает события на Востоке и Западе в рамках всеобщей истории, в плане политического и культурного взаимодействия народов. Однако узко-национальный аспект этой гипотезы, который развивает Д. Фазоли, навеян традиционным представлением о лангобардском патриотизме историка, мечтавшего, якобы, о возрождении лангобардского государства с помощью беневентского герцога. К противоположному выводу приводит сопоставление «Истории готов» Иордана и «Истории лангобардов» Павла Диакона, интересно подчеркнуть общую политическую направленность этих трудов. Оба автора приступили к написанию истории после разгрома государств, славу которых намеревались увековечить. Со времен античной историографии утвердился риторический прием прославления противника с целью приумножения славы победителя. Прославив деяния своих предков, углубившись в изучение старины, собрав все, что сохранила народная память, легенды, песни, рассказы современников и литературные произведения, Иордан и Павел Диакон могли свободно, не вызывая упреков в пристрастности, выполнить и социально-политический заказ своих покровителей — в первом случае византийского императора, во втором — франкского. Историки выходили за узкие рамки «национальных историй», и в широких исторических повествованиях соединяли в единое целое римскую и варварскую историю. Освещая события, происходившие на Западе и Востоке, они следовали традиции римской историографии и подводили к мысли о политической преемственности народов, завоевавших территорию Римской империи³⁸. Однако творчество Иордана и Павла Диакона разделяют два столетия, а этот период полон значительных изменений в судьбах народов Европы. Стало очевидным политическое утверждение германских народов на большей территории Западной и Центральной Европы. Интенсивно шел процесс формирования территориальной, экономической, культурно-языковой общности, ассимиляции с остатками римского и древневарварского населения. Глубокие перемены

³⁸ М. Лайстнер начинает новый период историографии, сменивший упадок позднелатинской литературы появлением труда Иордана. Он отметил такие особенности исторических сочинений раннего средневековья, как хронологическая основа, критическое отношение к используемому материалу, недостаточную оригинальность, компилятивность, влияние риторики на стиль (*Laistner M. L. W. The Intellectual Heritage of the Early Middle Ages. New York, 1957, p. 6, 20*).

происходили в области религиозной идеологии. Римская церковь утвердилась во многих варварских государствах, оттесняя арианство, успешно в пользу римской церкви завершилась схизма на Западе³⁹, тщательно разрабатывались новые каноны и догматы католицизма, оказывавшие существенное воздействие на социально-политическую организацию варварского общества и укрепление раннефеодальной государственности. Неизмеримо возросло материальное и политическое могущество римской церкви, которая активно участвовала в международной политике. Церковь завоевывала ведущие позиции в политической и идеологической жизни общества. Этот фактор наряду с влиянием античной, позднеримской и византийской культуры сыграл решающую роль в формировании мировоззрения Павла Диакона.

Изучение идейных истоков формирования личности Павла Диакона как историка логически связано с характером использования им источников для написания «Истории лангобардов», главного и последнего труда, подводившего итог всем размышлениям автора.

Получив классическое по своему времени образование, Павел Дьякон навсегда остался искренним почитателем античной учености⁴⁰. Начитанность его в античной литературе довольно широка. В «Истории лангобардов» он объясняет значение некоторых греческих слов⁴¹, сообщает отдельные факты из истории Египта и Рима⁴², дает этимологию географических названий, ссылаясь на древних историографов⁴³. В качестве источников называет труды римских историков, анналы Истрии, сочинения Аврелия Виктора, Плиния Старше-

---

³⁹ Эпитафии римским папам содержат прославление их усилий в борьбе со схизмой ради торжества «*veram fidem*» — эпитафия Пелагию I (555—561 гг.), Гонорию I (625—638 гг.) (*Die Epitaphien der Päpste und andere stadtrömische Inschriften des Mittelalters*. Ed. F. Schneider. Rom, 1933).

⁴⁰ Т. Моммзен отметил, что для своей эпохи римское образование Павла Диакона беспримерно, а в интересе и знании классической литературы он может сравниться только с гуманистами (*Mommsen Th. Op. cit.*, s. 485—487).

⁴¹ Pauli Hist. Lang. II, 14, 19, 20. Т. Моммзен называл его словарь латинских понятий (извлечение из Феста) шедевром (*Mommsen Th. Op. cit.*, s. 487). М. Манициус нашел в нем много дополнений и уточнений (*Manitius M. Op. cit.*, s. 258). Павел Дьякон намеревался продолжить свою работу дальше.

⁴² Pauli Hist. Lang. I, 15; II, 18, 23.

⁴³ Pauli Hist. Lang. II, 14, 23, 24.

го⁴⁴, цитирует Вергилия (Pauli Hist. Lang. I, 6). Знает Павел Диакон римских авторов, писавших о Германии и отождествлявших старогерманского Вотана с Меркурием (Pauli Hist. Lang. I, 9). Естественнонаучные познания Павла Диакона соответствуют уровню античной науки⁴⁵. Знакомство с греческой мифологией обнаруживается в рассказе о кинокефалах, с помощью которых будто бы лангобарды победили своих врагов (Pauli Hist. Lang. I, 11), в саге о Ламиссио, в которую включен элемент мифа об амазонках (Pauli Hist. Lang. I, 15). Упомянув о сыне Арнульфа мажордоме Анхизе, отмечает, что тот был назван по имени троянца Анхиза (Pauli Hist. Lang. VI, 23).

Позднеримская литература оказала влияние на отношение Павла Диакона к варварскому миру. Идею нравственной деградации, вызванной изнеженностью представителей римского общества, он положил в основу рассуждений о значении переселений в ранней истории лангобардов⁴⁶. Историк говорит, что лангобарды, изнеженные безмятежной жизнью на Эльбе («безмятежность — мать пороков и несет гибель»), где они пребывали в течение длительного периода, были разбиты булгарами (Pauli Hist. Lang. I, 16). В определении характера действий варваров по отношению к римлянам позиция Павла Диакона противоречива. С одной стороны, следуя проварварской традиции, он пытается объяснить жестокость варваров не менее жестокой политикой римлян, которые толпами обращали варварских пленников в рабов. С другой стороны, Павел Диакон находится под влиянием тех римских писателей, для которых оплакивание несчастной Италии, страдавшей от нашествий варваров, стихийных бедствий,

⁴⁴ Pauli Hist. Lang. I, 2; II, 14, 18. Среди латинских рукописей раннего средневековья часто встречаются «Естественная история» Плиния, оригиналы итальянского происхождения V—VI вв. (Codices Latini Antiquiores. Ed. Lowe E. A., part VI. Oxford, 1953). Т. Моммзен предполагал, что Павел Диакон имел некоторые источники римского происхождения в более полном виде, чем они сохранились до нашего времени (Festus de significatione verborum, De origine gentis Romanae, Origo gentis Langobardorum), — последнее либо принадлежало писателю позднеримской эпохи, либо было ему известно (Mommisen Th. Op. cit., s. 491).

⁴⁵ Географическое описание Европы, климатических условий, сведения о положении солнца в различных частях света, о приливах и отливах, течениях в Адриатике, о режиме плавания вдоль берегов Галлии и Британии (Pauli Hist. Lang. I, 1, 5, 6; II, 9).

⁴⁶ Историк рисует области с суровым северным климатом как более благоприятные для людей, так как жители солнечной страны чаще подвержены болезням (Pauli Hist. Lang. I, 16).

внутренних распрей и бесконечных войн, стало признаком патриотических чувств и как бы литературным приемом. Этим приемом пользуется историк в характеристике положения поздней Римской империи: варвары в течение длительного времени разрушали города Иллирии, Галлии и «несчастной Италии», которая более других испытала их жестокость (Pauli Hist. Lang. I, 1). Источником сведений, безусловно, была римская традиция и на нее указывает Павел Диакон, употребляя характерный оборот — «рассказывают».

Склонность Павла Диакона к драматическим описаниям и преувеличениям бедствий военного времени тоже навеяна знакомством с античной историографией. В описаниях военных действий против Рима преобладает ставшая стереотипной фраза «*vastantibus omnia per circuitum Langobardis*» (Hist. Lang. III, 11). Сражение с франками закончилось таким разгромом, какого давно не помнили: многие франки были убиты, другие взяты в плен, остальные в страхе бежали⁴⁷. Битва лангобардов с герулами закончилась, по его словам, уничтожением герулов⁴⁸. В столкновении лангобардов с готами Тотилы «они (лангобарды) истребили их до полного уничтожения...» (Pauli Hist. Lang. II, 1). Поэтической прозой можно назвать описания стихийных бедствий⁴⁹, полны трагизма слова, завершающие описания набегов варваров, военных походов—войско уничтожено, население истреблено, города и села разграблены, сожжены, разрушены; провинция опустошена⁵⁰.

Павел Диакон обнаруживает широкое знакомство с литературой позднеримского и раннесредневекового периода.

---

⁴⁷ Pauli Hist. Lang. III, 29. Григорий Турский, на которого в этом месте ссылается Павел Диакон, более скуп и сдержанно описывает событие. Секунд, современник войны, вообще не счел нужным упомянуть об этой победе лангобардов.

⁴⁸ Pauli Hist. Lang. I, 20. В описание битвы вводится поэтическое сравнение: на поле зеленого льна словно в волнах моря взмахивали руками обезглавленные враги, напоминавшие пловцов.

⁴⁹ Pauli Hist. Lang. III, 23, 24. Наводнение описано как грандиозное бедствие, равное Ноеву потопу: После эпидемии в конце VII в. «на форуме и улицах Тичино выросли деревья и кустарники, город обезлюдел» (Pauli Hist. Lang. VI, 5). Прошли «грозы, каких люди и не помнили, тысячи людей и животных погибли» (Pauli Hist. Lang. V, 15). Эпидемия в Лигурии представлена как страшная картина гибели, «мрачное безлюдье» контрастирует с полнотой жизни в природе: «нивы стояли в ожидании жнецов, блестящие гроздья винограда ждали прихода зимы среди давно уже опавших листьев» (Pauli Hist. Lang. II, 4).

⁵⁰ Pauli Hist. Lang. III, 3, 6, 7, 9, 13; IV, 23, 28; V, 10, 13.

Упоминает Кассиодора, зная, что тот славился в Риме своей ученостью и оставил много трудов (Hist. Lang. I, 25), называет римских церковных поэтов Марка Дионисия и Аратора, анонимного писателя из Равенны, составителя варварской географии, Исидора, Северина, епископа Норика (Hist. Lang. I, 18). Высоко ценил литературный талант Евгиппия, Григория I, Иордана, Прокопия, Григория Турского и Беды⁵¹. Особенно много извлечений из Григория Турского имеется в III книге «Истории лангобардов», причем автор признается, что описание победы Аутари над франками сделано «ipsis paene verbis (Hist. Lang. III, 29)⁵². В изложении легенды о Гунтрамне особо оговаривается, что оно взято не из «истории франков» (Pauli Hist. Lang. III, 34). Э. Сестан убедительно доказал, что сообщение Григория Турского о лангобардах Павел Диакон перенес в «Историю лангобардов»⁵³.

Прямые заимствования из литературы в то время не считались признаком недобросовестности авторов или легковесности их стиля. Наоборот, они служили проявлением высшей почтительности к авторитету ученых и свидетельством собственной учености.

Источники византийского происхождения занимают особое место в произведениях Павла Диакона. Как в «Римской истории», так и в «Истории лангобардов» отношения Запада и Востока, политика Византии в Италии находятся в центре внимания. Павел Диакон собрал огромный фактический материал, переосмыслил его с точки зрения политических интересов Лангобардского королевства настолько, чтобы в итоге сказать: «византийская политика—неслыханное бедствие, не оставляющее и надежды на жизнь» (Hist. Lang. V, 11).

Тем не менее официальная византийская историография сыграла определенную роль в распространении Павлом Диаконем версии о массовых убийствах и порабощении римлян во время лангобардского завоевания⁵⁴. Многие события византийской истории Павел Диакон освещал по источникам

⁵¹ О параллелях с Исидором и Бедой сказано у Т. Моммзена (*Mommsen Th. Op. cit.*, s. 513—515).

⁵² Вместе с тем стилистическая обработка этого места, по мнению Т. Маммзена, превосходит франкский источник — *Gregorii episcopi Turonensis. Historiarum libri decem*, IX, 25. Ed. R. Buchner. Berlin, 1955 (*Mommsen Th. Op. cit.*, s. 486. Ann. I).

⁵³ *Greg. Tur.* IV, 35; *Pauli Hist. Lang.* II, 32; *Sestan E. Op. cit.*, p. 55.

⁵⁴ Еще Л. А. Муратори заметил, что византийские греки всегда злословили по поводу лангобардов (*Muratori L. A. Annali d'Italia*. Milano, 1753. T. V, p. 217).

византийского происхождения⁵⁵. Сведения о паннонском периоде истории лангобардов он черпал главным образом у византийских авторов. В соответствии с концепцией официальной византийской историографии, представленной Прокопием в «Истории войн с готами», лангобарды паннонского периода — федераты Восточной империи, ее союзники в войне с готами, их приход в Италию — следствие приглашения Нарзеса. Однако интерпретация этих фактов дана Павлом Диаконом с антивизантийских позиций. Приглашение Нарзеса сопровождалось дурным предзнаменованием⁵⁶, таким образом, Павел Диакон как бы перекладывает всю ответственность за последствия на византийцев. В «Римской истории» внимание автора сосредоточено на враждебных действиях византийской армии против Рима⁵⁷, отмечены происки константинопольской дипломатии против лангобардов в стремлении установить союз с франками⁵⁸.

Трактовка политических событий в «Истории лангобардов» приобретает антивизантийскую направленность. Она проявляется уже при освещении паннонского периода, где Павел Диакон расходится с Прокопием в изложении и оценке взаимоотношений лангобардов с гепидами. Если Прокопий акцентирует внимание на союзе лангобардов с византийским императором (малочисленность лангобардов заставила их обратиться за военной помощью к Юстиниану), то Павел Диакон показывает борьбу с гепидами как кровное дело самих лангобардов. Вражда была вызвана бегством к гепидам Ильдигиса, сына Тато и соперника Ваки (I, 21). Павел Диакон подчеркивает, что война подготовлялась теми и другими (I, 23). Нарушение перемирия с гепидами Прокопий объясняет верностью лангобардов в исполнении союзнических обязательств по отношению к Византии⁵⁹. Мотивировка Павла

⁵⁵ Т. Моммзен установил, что хронология правления Юстиниана дана по Прокопию (*Mommsen Th. Op. cit.*, s. 513). Т. Моммзен высказал предположение, что Павел Диакон пользовался недошедшими до нас анналами, составленными в византийской Италии (*Op. cit.*, s. 516). Л. Траубе отверг гипотезу о заимствованиях у равеннского географа Исидора и находил у Исидора места, интерполированные у Павла Диакона (*Traube L. Karolingische Dichtungen. Berlin, 1888, H. I, s. 115*).

⁵⁶ Pauli Historia Romana XVII, 10; Historia Langobardorum II, 5.

⁵⁷ Pauli Historia Romana XVII, 12.

⁵⁸ Ibid., XVII, 17.

⁵⁹ Прокопий вкладывает в уста лангобардских послов слова особого почтения к императору и готовности защищать его интересы. Длинная речь полна обвинений в адрес гепидов, неблагодарных изменников Византии. Прокопий при этом признаётся, что такие риторические обороты несвой-

Диакона целиком основана на народном предании⁶⁰. Прокопий делает акцент на длительности и прочности военно-политического союза лангобардов с Византией⁶¹ и пытается убедить, что франки были злейшими врагами лангобардов еще в то время⁶². Характеристика паннонского периода истории лангобардов у Прокопия соответствует официальной трактовке политических событий во время ожесточенной борьбы за Италию со стороны византийской дипломатии. Настаивая на глубоких корнях союза лангобардов с Византией⁶³, византийская историография расценивала захват ими Италии как узурпацию прав византийского императора и оправдывала свою активную политику в Италии. Павел Диакон сознательно опускает такие моменты в истории лангобардов, которые противоречат их западной ориентации. Он умолчал о союзе лангобардского короля Ваки с византийским императором⁶⁴, о предоставлении им земель в Паннонии для поселения лангобардов⁶⁵, о союзе лангобардов с византийцами в борьбе с гепидами⁶⁶. В противовес этому Павел Диакон подчеркивает

ственны варварскому языку (*Procopii Caesariensis. De bello Gothico. Opera omnia*, rec. Haury J. Lipsiae, 1962. V. I—II, l. VII, 34, 3—24).

⁶⁰ На пиру произошла ссора между гепидским королем и его сотрапезником Альбоином, король вспомнил о сыне, убитом в недавнем сражении: насмешки, адресованные лангобардам, вызвали не менее дерзкие ответы (1,24). Гепиды смеялись над белыми повязками на ногах лангобардов, которые напоминали конские, а лангобарды сказали, что в поле, где лежат кости убитых гепидов, можно увидеть, как бьют копытами эти кони.

⁶¹ *Procopii Caesariensis. De bello Gothico*, VII, 34, 3—24; VII, 34, 40—41; VII, 39, 20; VIII, 25, 10—15; VIII, 26, 12; VIII, 30, 18; VIII, 31, 50.

⁶² *Procopii Caesariensis. De bello Gothico*, VIII, 26, 19.

⁶³ Прокопий старается подчеркнуть духовное единство византийцев и лангобардов, говоря, что уже в Паннонии последние были христианами в противоположность гепидам-арианам (*Procopii. De bello Gothico*, VII, 34, 24). В сочинении Павла Диакона этот факт не нашел отражения.

⁶⁴ Прокопий характеризует короля как друга и союзника Византии. Тщетно остготы пытались заключить с ним союз против Велизария (*Procopii. De bello Gothico*, VI, 22, 11—12). Союз лангобардов с Византией в паннонский период не подвергает сомнению И. Вернер (*Werner J. Die Langobarden in Pannonien. München, 1962, s. 11*).

⁶⁵ *Procopii. De bello Gothico*, VII, 33, 10; VII, 34, 37. Прокопий определенно показывает, что область расселения лангобардов в Паннонии не совпадала с римскими границами этой провинции, в этом отношении его сведения расходятся с данными лангобардской хроники и Павла Диакона о господстве лангобардов в южной Паннонии при Авдоине. Савия и Сирмиенская Паннония были не византийскими, а остготскими, и лангобарды могли вступить туда при Юстиниане, а Сирмий был занят гепидами.

⁶⁶ Что же касается существа взаимоотношений лангобардов с Византией, то обращает на себя внимание одна небольшая деталь в описании

факты установления дружественных контактов с франками, ориентацию Альбоина на венецо-лигурийское духовенство, враждебное Византии. Византийской версии о приглашении лангобардов в Италию Нарзесом противопоставляет родство Альбоина с родом Амалов⁶⁷, подводит к мысли о политическом значении убийств лангобардских королей Альбоина и Клефа вследствие интриг византийцев.

Идея франко-лангобардского союза против Византии выдвинута Павлом Диаконом как основное направление лангобардской политики, она не имеет достаточного обоснования фактами политической истории VI в., но хорошо показывает противоположность официально-историографических построений Запада и Востока. Не отвергая в основном достоверность событий, описываемых Прокопием и Павлом Диаконом, отметим нарочитость в подчеркивании их характера, политического значения, политическую тенденциозность обоих авторов и пристрастную обработку Павлом Диаконом своих византийских источников, причем характер обработки свидетельствует о проварварских, даже профранкских симпатиях Павла Диакона.

Эти симпатии приблизили Павла Диакона к восприятию некоторых идей готто-римской историографии⁶⁸. Полученные у Иордана сведения позволили Павлу Диакону исправить лангобардский источник⁶⁹. Родство готской и лангобардской легенды о происхождении народа из Скандинавии обнаруживает более глубокую идеологическую связь, чем простое заимствование. Лангобарды, вступив в Италию, стали политическими преемниками германских племен, господствовавших в стране, и прежде всего готов, уже выработавших свои определенные политические идеи. Свою историю лангобарды должны были переосмыслить в новых условиях, испытав воз-

---

Прокопия: враждующие стороны (лангобарды и гепиды), узнав о приближении византийского войска, тотчас прекратили распри (*Procopii. De bello Gothico*, VII, 34, 45). Этот штрих заставляет сомневаться в ориентации лангобардов на Византию.

⁶⁷ Византийская версия критически воспринимается итальянской историографией, начиная с Баронио, Муратори и Тирабоски (*Tiraboschi G. Storia della Letteratura italiana*, t. III. Modena, 1773, p. 67).

⁶⁸ Близость Павла Диакона к Иордану и Кассиодору отмечал Т. Моммзен (*Mommsen Th. Op. cit.*, s. 509).

⁶⁹ *Origo gentis Langobardorum* называл Одоакра вождем аланов, Павел Диакон использовал сведения Иордана о ругах и обстоятельствах победы Одоакра.

действие готской традиции и официальной готско-византийской историографии. Павел Диакон выполнил эту задачу, представив происхождение лангобардов от общегерманского скандинавского корня⁷⁰, а королевский род Альбоина связав родством с Амалами, правившими в Италии до лангобардов. Можно предположить, что Павел Диакон, следуя устной традиции в вопросе о происхождении лангобардов, намеренно углубляет древность своего народа и переносит на лангобардов все, что было известно о германских племенах. Вероятно, у Иордана и Павла Диакона был общий источник — германские саги, сведения о Скандинавии как прародине германцев имеются и у Прокопия⁷¹. Итальянская историография прошлого и настоящего времени связывает вопрос о скандинавском происхождении лангобардов с прямым заимствованием из готской традиции⁷². Но лангобарды были близки многим германским племенам, в устной традиции которых происхождение народа из Скандинавии стало начальным пунктом легенд и сказаний⁷³.

---

⁷⁰ Л. М. Гартман полагал, что источником версии о скандинавской родине лангобардов и списка 10 дуксов было народное предание. Он отвергал историческую подлинность правления ранних лангобардских рексов, сближая их роль с той, которую традиция Рима отводила Ромулу, а готская — Амалам (*Hartmann L. M. Geschichte Italiens im Mittelalter*, t. I, B. II. Gotha, 1900, s. 4). Достоверность традиции о скандинавском происхождении лангобардов отвергли немецкие историки XIX в. В XX в. большинство ученых относят лангобардов к северо-западной группе Elbgermanen, не отрицая факта миграции их с севера бассейна реки к югу (*Maurer F. Nordgermanen und Alemannen*. Bern, München, 1952). Э. Шварц (*Schwarz E. Germanische Stammeskunde*. Heidelberg, 1956) отстаивает концепцию скандинавской прародины лангобардов, привлекая археологический, лингвистический материал и письменные источники. Со скандинавскими названиями он отождествляет имя Winiler (winnan — спорщик, борец, воин), Vinill тоже считает старонордическим именем. Он предлагает искать скандинавскую прародину вблизи Gauten (Швеция).

⁷¹ *Procopii. De bello Gothico*, VI, 15, 16.

⁷² Ч. Бальбо считал, что Павел Диакон «нагромоздил много басен» в вопросе происхождения лангобардов (*Balbo C. Storia d'Italia sotto ai Barbari*. Firenze, 1856, p. 248). Р. Джачинто, указывая на языковые различия лангобардов и северных германцев (в том числе и готов), писал, что Павел Диакон исходил не из устной традиции, а руководствовался произвольным заимствованием у Иордана ввиду духовного родства готов и лангобардов, так как оба народа склонялись к арианству (*Giacinto R. Op. cit.*, p. 229). Д. Фазоли объясняет восприятие готской традиции политическими соображениями (*Fasoli G. Op. cit.*, p. 25).

⁷³ Не случайно Иордан называл Скандинавию родиной всех германцев, «*officina gentium*», «*vagina nationum*» (*Iordanis Getica* 25).

Сложный процесс формирования этнического самосознания не укладывается в узкие рамки концепции инфильтрации традиций. Литературная обработка художественной фантазии с использованием готовых литературных образцов, тенденциозная интерпретация исторических фактов и мифологического материала с акцентом на древнее и славное прошлое происходили в период формирования этнической и территориальной общности, когда устная традиция народов, соприкасаясь, выкристаллизовывается в единую основу народного эпоса. У Павла Диакона не прослеживается прямая связь с Иорданом в характере осмысления древней истории народа⁷⁴. Тот и другой исходили из особенностей общественно-политической характеристики своего народа в период переселений. Возможно, идея скандинавского происхождения лангобардов появилась как поздняя часть устной традиции вследствие тесных политических и хозяйственных контактов не только с готами, но и с другими варварами, жившими в Италии или пришедшими туда с лангобардами⁷⁵. Возникшая этническая общность способствовала перенесению идеи тесного единства в отдаленное прошлое, она воплощалась в традицию об общем происхождении народов и находила подтверждение в литературе⁷⁶. Была ли заимствована идея скандинавского происхождения лангобардов у Иордана или в устной традиции — не столь важно. Бесспорно одно — она прошла через самосознание народа, и Павел Диакон дал ей законченную форму в соответствии с новыми задачами развития варварской государственности и возникновения политической идеологии.

Особого внимания заслуживает стремление Павла Диакона следовать приемам римской и византийской историографии в ведении исторического повествования. Заниматель-

⁷⁴ Примером может служить различная трактовка термина *familia*. У Иордана это — обоз с имуществом, женами, детьми, стариками, сопровождавший войско (Скржинская Е. Ч. Комментарий к переводу Иордана. — В кн.: *Иордан. О происхождении и деяниях готов*. М., 1960, с. 195), а у Павла Диакона — синоним обозначения *faça*.

⁷⁵ Характерно, что порядок выселения племен из Скандинавии по жребию соответствует практике распределения земель среди варваров, селившихся на завоеванной римской земле (Pauli Hist. Lang. I, 2).

⁷⁶ Не только Иордан, но и Прокопий обнаруживает влияние этой идеи германской общности в рассказе о несостоявшейся битве лангобардов с гепидами. Воины разбежались, не начав сражения, «...бежали не будучи преследуемыми...», «... богом не было допущено, чтобы оба народа погубили друга, и он разметал их боевой порядок...» (Procopii. De bello Gothico, VIII, 18, 5—10).

ность рассказа, хронологическое изложение событий, подробное освещение известных историческим фактам, использование документальных источников⁷⁷, достоверность⁷⁸, историчность в широком значении этого понятия⁷⁹ приближают «Историю лангобардов» к произведениям античной историографии.

Павел Диакон располагал тремя лангобардскими источниками: «Историей деяний лангобардов» аббата Секунда, «Хроникой лангобардов», предпосланной Эдикту Ротари, и устной традицией, последняя занимает большое место в повествовании. Ученый представил плоды долговременного изучения и собирания легенд, песен, рассказов, относящихся как к начальной, так и к последующей истории лангобардов. Обращение к устному народному слову было характерной чертой античной историографии, воспринятой раннесредневековыми авторами. Многие представители римской и византийской культуры специально занимались розыском почти исчезнувших преданий. Устная традиция зафиксирована у Павла Диакона особыми оборотами «fama est» (III, 32), «fertur» (I, I, 8, 12, 15; V, 19), «sicut a majoribus traditur» (I, 14), «narratur» (I, 27; II, 8), введением прямой и косвенной речи (V, 2, 3), ссылками на героические песни лангобардов, саксов, баваров (I, 27). Древность этой традиции подтверждают римские авторы I—II вв., отметившие малочисленность лангобардов и их отважный, воинственный нрав, свойственный, впрочем, и другим германским племенам⁸⁰.

Павел Диакон широко пользуется народными сказаниями о переселениях племени лангобардов (сага о Гамбаре, о первых герцогах Айо и Иборе, о короле Ламиссио), о войнах с вандалами, булгарами, гуннами, об этнической консолидации (саги о возникновении названия племени и о походе Альбои-

⁷⁷ Павел Диакон ссылается на письма, грамоты, законодательные установления (Pauli Hist. Lang. I, 25; II, 12; IV, 9, 19, 21, 29, 42; V, 33).

⁷⁸ Историк подтверждает достоверность ссылки на подобные факты (I, 15). Интерпретацию легенды дополняет другими на его взгляд более вескими обоснованиями (II, 29), своим мнением заверяет правдивость рассказчика, на которого ссылается (II, 8).

⁷⁹ Павел Диакон постоянно делает экскурсы в римскую историю (II, 14), византийскую (I, 25; III, 11, 12, 15; IV, 26; VI, 10—13, 31, 32, 34, 36, 41, 49), франкскую (II, 10; III, 5—7, 10, 21; IV, 11; V, 32; VI, 23, 37, 42, 46), историю арабов (VI, 46, 47), историю франко-византийских отношений (III, 17, 22). Предъявляя к историку требование всеобщего охвата исторических событий, он пренебрежительно называет сочинение Секунда «историей» (Pauli Hist. Lang. IV, 40).

⁸⁰ Gaius Velleius Paterculus Historia Romana, I, 106. Tacitus Germania XL.

на в Италию). Древняя традиция дает интересный материал для изучения самосознания народа, его общественной организации и быта в эпоху военной демократии. Не менее важной для изучения является ее политическая интерпретация в период записи, которая сопровождается тенденциозной обработкой. Тщательно подбирает Павел Диакон легенды, относящиеся к возвышению королевского авторитета: сага о Ламиссио, легенда о сватовстве Аутари и свидании с Теоделиндой (III, 30), о топоре короля Аутари, о королевской горе и бизоньей шкуре (II, 8), о королевском оружии и чаше Альбойна (II, 28). Эти легенды в изложении историка служили подтверждением силы и мощи главы королевства, королевского достоинства, осмысленного с позиций человека, вышедшего за рамки первобытно-общинных представлений.

Следы тенденциозной обработки народной традиции можно видеть в рассказе о столкновении лангобардов с герулами. Прокопий, тоже пользовавшийся народными преданиями, определенно сказал, что герулы «...подчинили себе лангобардов и заставили их платить дань...»⁸¹ Павел Диакон умолчал об этом факте, хотя традиция знала о нем, и Прокопий включил в свое повествование легенду о предзнаменовании, определившем победу в битве. Молчание Павла Диакона может быть истолковано как свидетельство преднамеренного отбора фольклорного источника.

В передаче устной традиции Павлом Диаконом еще прослеживаются ее языческие корни. В родовом предании о возвращении прадеда из аварского плена волк выступает в роли проводника, так как в германской мифологии сильные лесные звери (волк, медведь) всегда приносили успех или победу⁸², их сила и устрашающая мощь символизировали покровительство и защиту. В этой саге отразился и другой элемент народных верований—культ лесных деревьев. Внутри заброшенного дома, в который вернулся изгнанник, вырос ясень, символ кре-

---

⁸¹ *Procopii. De bello Gothico*; VI, 14, 9, 18, 19. Во время рукопашного боя часть неба над лангобардами покрылась черной тучей, над герулами небо оставалось чистым. Предзнаменование считалось очень распространенным языческо-германским суеверием: «...считается, что не может быть для варваров, идущих в бой, предзнаменования более благоприятного...»

⁸² В более поздней интерпретации германского эпоса волк Фенрис — олицетворение злого начала, он несет возмездие за презрение к узам кровного родства (*Dahn F. Gesammelte Schriften*. B. I. Berlin, 1879, s. 82; *Dahn F. Gesammelte Werke. Germanische Götter und Heldensage*. Berlin, 1883, B. 8, s. 241).

пости рода, продолжительности его мужского начала⁸³. В саге о чаше Альбоина, сделанной из головы гепидского короля Гунимунда, тоже отразились черты древнего языческого культа⁸⁴. Народный характер носят саги о Теоделинде, Ромильде, Гримоальде и другие, в которых прославлено целомудрие женщины и воинская отвага.

Источником устной традиции, представленной в «Истории лангобардов», часто была личная информация Павла Диакона. При описании Скандинавии историк ссылается не только на Плиния, но и на рассказы тех, кто видел ее берега (I, 2). Некоторые предания сообщает со слов тех, кто видел «своими глазами» (IV, 47), другие поведал старик, в правдивости слов которого нельзя сомневаться (II, 8). Передавая рассказы и легенды о борьбе фриульцев с аварами, Павел Диакон ссылается на старейших мужей, которые участвовали в войнах (IV, 37; V, 19). В ряде случаев Павел Диакон апеллирует к собственной осведомленности (II, 26, 28; V, 17), обнаруживая интерес и знание истории своего народа.

В формировании историко-философской концепции Павла Диакона большое значение имела христианская духовная культура. Посвященный в клирики Павел по своему общественному положению и по образованию не мог не впитать в себя идеи католицизма, пустившие глубокие корни в культуру раннего средневековья. Итальянские монастыри имели большое количество рукописей христианских писателей и распространяли их на обширной территории, вовлекаемой в сферу влияния римской церкви⁸⁵.

⁸³ Почитание деревьев сказалось и в саге о сватовстве Аутари. Когда он отправился с посольством к баварам, то топориком сделал отметку на дереве, затем ее узнали как знак королевской руки (III, 30). Такой же смысл имеет сага о дереве, вырванном из королевской ограды порывом ветра и ударом молнии (III, 30). Впоследствии в германской мифологии миф о сотворении мира впитает эти древние религиозные представления: боги создадут первую пару людей из деревьев, мужчину из ясеня, женщину из ольхи.

⁸⁴ Готы, по словам Иордана, приносили человеческие жертвы своему богу войны и почитали его как родителя (*Jordanis Getica*, 41).

⁸⁵ В кодексе латинских рукописей V—IX вв. из фондов мастерских письма во Франции часто упоминаются докарولينские рукописи из Италии, Баварии, Бургундии с фрагментами трудов Августина («*Epistolae*», «*De Trinitate*», «*Opuscula*», «*De civitate Dei*», «*Sermones*»), Амброзия («*Opera*», «*Hexameron*»), Григория I («*Moralia*», «*Epistolae*»). Имеются рукописи: «*Pompoius*», «*Commentum in Donatum*», «*Libri Regum*», «*Ecclesiasticus Cantica Cantorum*», «*Liber Sapientiae*», «*Epistulae*» Pauli, Selestat, «*Lectioarium*», «*Epistolarium*», *Chronica Sancti Gironimi*, Hieronymus in *Isaiam*, Hieronymus *Epistulae*, Lactantius de *Officio Dei*. — *Codices Latini Antiquiores* ed. E. A. Lowe, part VI. Oxford, 1953.

Начитанность Павла Диакона в богословской литературе велика: в «Истории лангобардов» он называет труды Григория I, написанные для «пользы римской церкви» (IV, 5), его диалоги (I, 26), жития святых, приводит тексты некоторых писем папы; упоминает собрание псалмов Кассиодора (I, 25), пасхальное сочинение Дионисия из Рима, поэтическое описание деяний апостолов Аратора (I, 25), поэзию Марка (I, 26), сочинение о божьем суде архиепископа Теодора (V, 30), труды Бенедикта, основателя Монте-Кассинского монастыря (IV, 17). Знает историк труды христианских риторов и писателей: ему известен ритор Приск из Константинополя (I, 25), Кассиодор, Венанций Фортунат, Григорий Турский, Северин из Норика, Исидор, Орозий, Евсевий и многие другие. В глазах Павла Диакона их авторитет особенно высок. Неоднократно он возвращается к деяниям папы Григория I, не упуская случая сказать о их величии (III, 24, 25; V, 31). Деяния и жизнь св. Бенедикта, основателя монастыря в Монте Кассино, считает достойными апостольских доблестей (I, 26). Заслуживает, по его мнению, глубокого почитания миланский архиепископ Бенедикт, «выдающийся благочестием» (VI, 29), епископ Норика Северин, который «способствовал христианизации ругов» (I, 19). В кратких сведениях о Кассиодоре, видном ученом и политическом деятеле, подчеркнул последний период жизни — в монашестве. Христианская литература оказала влияние на трактовку основных моментов лангобардской истории, в частности на описание обстоятельств завоевания Италии, на стиль историка⁸⁶. Христианскую обработку получили некоторые германские предания: лангобардские и франкские. Сага о вступлении Альбоина в Павию повествует о том, что конь лангобардского короля упал в самых воротах города и его не могли поднять, пока Альбоин не согласился пощадить жителей, при этом один из лангобардов сказал: «а ведь народ этот — христианский» (II, 27). Сагу об убийстве Альбоина Павел Диакон заканчивает христианской сентенцией по поводу трагической смерти заговорщиков: «судом всемогущего бога подлые убийцы погибли в один миг» (II, 29). Франкская

⁸⁶ Эпитеты нравственной оценки личности соответствуют образным выражениям жития святых. Некоторые метафоры и сравнения навеяны богословскими сюжетами. Например, наводнение в Италии сравнивается с новым потоком, а описание заимствовано у папы Григория (III, 23). Павел Диакон тоже писал на церковно-религиозные сюжеты: он сочинил элегию в честь св. Бенедикта, жизнеописание папы Григория I, метенских епископов и другие сочинения (I, 26; III, 24; VI, 16).

легенда о короле Гунтрамне в изложении Павла Диакона утверждала идею благочестивых даров церкви (III, 34)⁸⁷. В сагу о переселении лангобардов в Германию вплетена раннехристианская легенда о семи христианах, погруженных в сон, которые будут просыпаться по мере обращения германцев в христианство⁸⁸. Языческой саге о Годане, давшем победу над вандалами виннилам, историк придает значение шутливой басни, заключая, что победа не во власти и воле людей, но даруется богом. Языческие представления о том, что победы можно добиться человеческой ловкостью и обращением к покровительству языческих богов, в понимании Павла Диакона достойны смеха (I, 8). Элемент критики саги имеет место не с исторических позиций, а в соответствии с христианско-богословским мировоззрением историка.

Историко-философская концепция Павла Диакона представляется своеобразным преломлением идеи предопределения в свете еще языческих представлений о вмешательстве богов и духов в дела людей, в исторические судьбы народа. Причины поражения герулов Павел Диакон объясняет суждением, соединявшим нравственную категорию родовых обычаев с христианским догматом: «не угодна богу победа, одержанная над гостем» (I, 24). Божественный промысел, «внушение всемогущего бога» он видит в том, что Ариперт случайно сохранил жизнь малолетнему Лиутпранду, уничтожив весь его род (VI, 22), что прадеду во сне явился человек, указавший путь на родину, в Италию, (IV, 37), что Перктарита какой-то голос известил о кончине Гримоальда («то была божья весть» (V, 23, 33). Христианская идея возмездия за греховность человечества звучит в рассказах о стихийных бедствиях: в Константинополе много грозовых стрел упало в гущу народа, что было знаком уничтожения нечистой ереси (VI, 4); в Павии во время эпидемии по городу ходили добрый и злой ангелы, поражавшие из лука дом, жители которого на другой день погибали. Мор прекратился только тогда, когда в город привезли святые мощи (VI, 5).

Определяющее значение божественного промысла в объяснении исторических событий сочетается у Павла Диакона с

---

⁸⁷ Заснув в лесу во время охоты, Гунтрамн увидел во сне зверька, показавшего ему клад. Обнаружив на том месте золото, король сделал из него огромный солид и украсил драгоценными камнями, затем пожертвовал святому месту.

⁸⁸ Легенды нет в хронике лангобардов, но она приведена Павлом Диаконем (I, 4).

языческим пониманием соответствия земных и небесных явлений⁸⁹, с верой в приметы народно-языческого происхождения⁹⁰. Переплетение христианских идей с языческим восприятием политических событий раскрывается в легенде о заговоре Кунинкперта против своих политических врагов. Когда король размышлял, как бы ему расправиться с Гильдоном и Граузонам, в окно влетела муха, король пытался убить ее, но только оторвал лапку. Вскоре стало известно, что какой-то хромой предупредил Гильдона и Граузона, и они нашли убежище в церкви. Король понял, что муха была злым духом, раскрывшим его замысел (VI, 6). Для Павла Диакона намерение Кунинкперта, дружественно относившегося к христианской церкви, — добрый замысел, и его не смущает, что он объявил бегство под защиту этой церкви делом злого духа.

В основе философско-исторического мышления Павла Диакона лежит христианская концепция божественного предначертания исторических событий. Бог мыслится им как защитник всех христиан, в том числе и лангобардов после их обращения к христианско-католической вере, он дарует им победу (IV, 21; V, 41), но за грехи лангобардских королей, боровшихся с римской церковью, он карает народ. В этом отношении характерна легенда, предвещавшая судьбу лангобардского господства в Италии. В христианско-римской версии, данной в «Римской истории», священник сказал византийскому императору Констанцию: племя лангобардов нельзя сокрушить,

---

⁸⁹ Комета была видна перед заключением перемирия Агилульфа с византийцами (IV, 32). Появление дракона предвещало эпидемию в Риме (III, 24). Комета, пришедшая с востока, предшествовала эпидемии, распространившейся тоже с востока (V, 31). Комета сопутствовала смене аквилейского патриарха (IV, 33). Упала звезда — произошло землетрясение (VI, 9). Огненные знаки на небе предвещали приход лангобардов в Италию (Pauli Hist. Lang. II, 5; Pauli Hist. Romana, XVII, 10). Кровавые знаки на небе совпали с междоусобицами у франков (IV, 15). О сохранении языческих обычаев у франков и аллеманнов в VI—VIII вв. после принятия христианства писал на основании археологических данных С. А. Кауфман (в кн.: Средние века, в. XXII. М., 1962, с. 220).

⁹⁰ Копье считалось символом королевской власти у лангобардов со времен военной демократии. Опираясь на примету, Павел Диакон пытается прогнозировать значение правления того или иного короля: если на копье села кукушка, значит правление не будет иметь успеха (VI, 55). Удар молнии и порыв ветра во время грозы вырвали дерево из королевской ограды и сбросили его в реку, что предвещало гибель Аутари (III, 30). Данное предзнаменование языческого толка объяснили Аутари язычники-прорицатели. Как говорит Павел Диакон, «те, которые дьявольским искусством предвещают будущее», но сам он подтвердил правильность этого предсказания (III, 30).

так как королева воздвигла церковь св. Иоанна, заступника лангобардов, но придет время, когда она будет осквернена, и тогда народ погибнет⁹¹. В «Истории лангобардов» Павел Диакон придает политическую окрашенность тезису о почитании церкви св. Иоанна: «почитание должно быть бескорыстным; но не за грехи порочной жизни» (V, 6). Может быть автор намекал на порочность мирской жизни вообще, может быть имел в виду забвение принципов христианской морали в государственной политике, направленной против римской церкви. Таким образом, в развитии идея Павла Диакона, сложившаяся под влиянием римско-христианской доктрины, объясняет падение Лангобардского королевства политикой его правителей, которые в стремлении к возвышению царства столкнулись с интересами римской церкви. Логический вывод богословской концепции противоречил прагматическому замыслу культурно-исторического повествования: показать величие лангобардского народа и увековечить его славу. Разлад между богословско-философской трактовкой истории и социально-патриотическим чувством не позволил историку завершить свой труд.

По сравнению с другими христианскими историками раннего средневековья у Павла Диакона нет особого акцента на христианский пессимизм: он не сетует на земную суетность, на ужасы войны, а в оценке войн исходит из политических результатов. Тем не менее римско-католическая идеология оказала решающее воздействие на трактовку основных вопросов истории лангобардов в Италии⁹². Пристальное внимание к делам римской церкви, к успехам христианизации варварских народов (IV, 36; V, 30; VI, 58), к церковной политике лангобардских королей отражает в идеологии процесс становления раннефеодальной государственности, опиравшейся на поддержку церковной организации.

Мировоззрение Павла Диакона складывалось в эпоху Каролингского возрождения. Политические идеалы этой эпохи были связаны с пониманием исторической роли таких институтов феодальной государственности, как монархия и церковь. Характер их сущности и влияния на общественно-политическую жизнь, на взаимоотношения государства и церкви,

⁹¹ Pauli Historia Romana, XVII, 28.

⁹² Павел Диакон воспринял церковную традицию в освещении обстоятельств лангобардского завоевания. Ф. Дан считал его позицию строго-церковной и остроантиварварской (*Dahn F. Op. cit., s. 128*).

значение папского авторитета становятся существенными вопросами философско-исторической мысли⁹³. Будучи близок ко двору Карла Великого Павел Диакон имел непосредственное отношение к выработке и восприятию основных идей того времени, складывавшихся под влиянием римско-христианской доктрины Августина. «История лангобардов», возможно, была задумана для обоснования и возвышения авторитета королевской власти, вершиной которой считалась слава победителя. В представлении историка племя лангобардов — древнее и прославленное, но реальная военная сила и преимущества франкского императора сделали его преемником власти лангобардских королей. Такой подтекст патриотической истории Павла Диакона позволяет выдвинуть гипотезу о профранкской политической тенденции автора. Безусловно, эту главную политическую линию нельзя отождествлять с антилангобардской направленностью труда: поиски исторических основ сближения лангобардов с франками в паннонский период перерастают в идею христианского единства германских племен, которое возникает и развивается в рамках сначала лангобардской, а затем и франкской государственности⁹⁴.

Исходя из античных политических идей, Павел Диакон считает критерием законности королевской власти правление сообразно с общественной пользой. Таким принципом, по его мнению, руководствовались советники Теоделинды, разрешившие ей выбрать мужем «...talem scilicet qui regnum regere utiliter possit...» (III, 35). Государственное правление с привлечением мудрейших мужей («consilium cum prudentibus habens» — III, 35) кажется Павлу Диакону идеальным и вполне реальным в силу специфических черт раннефеодального государства, опиравшегося на общественное мнение возвышающейся знати. С точки зрения законности и целесообразности существующей власти Павел Диакон осуждал междоусобицы,

---

⁹³ М. Л. Лайстнер, поставивший проблему изучения политической теории Каролингской эпохи, видел непреодолимое противоречие между поздне римской христианской концепцией, воплотившей романский политический принцип, и политической теорией IX в., опиравшейся на германский принцип единовластия (Laistner M. L. W. *Thought and Letters in Western Europe*. London, 1957, p. 316—319).

⁹⁴ Павел Диакон неоднократно указывал на объединение различных племен в рамках военно-политического союза лангобардов. В вопросе заключения политических браков он стоит на позиции христианского политического единства. Павел Диакон не порицает Хильдеберта, который предпочел видеть мужем своей сестры готского короля, но не Аутари, признавая моральное и политическое превосходство католика над арианином (III, 28).

раздоры, соперничество военачальников⁹⁵. Идеальный правитель в изображении писателя — добродетельный католик (V, 33), государственный муж (VI, 26), человек, осуществляющий правосудие во имя общего блага⁹⁶ («*vir benignus et populum suaviter regens*» — V, 23).

Политическая концепция Павла Диакона основана на двух идеях: на идее политического единства германских народов, воплощенной в образовании сначала лангобардского, а затем франкского государства, и на идее союза королевской власти с католической церковью. Нарушение союза, забвение интересов церкви неизбежно ведет к возмездию⁹⁷, в соответствии с этой концепцией историк мог воспринимать франкское завоевание, оставив ненаписанной последнюю страницу лангобардской истории. В построении и обосновании этой политической концепции Павел Диакон черпал материал из римской истории и произведений философско-политической мысли древности.

Некоторые нравственные идеалы и критерии в оценке поведения и деятельности человека были воспитаны античными философско-этическими принципами. Павел Диакон убежден, что только своими природными качествами возвышается человек к славе общественной (VI, 26), что источником благородства является личное мужество, преданность своему долгу⁹⁸.

---

⁹⁵ Фриульское предание о ссоре герцога со скульдахием он интерпретирует как величайшее бедствие в истории, так как из-за вражды были побеждены храбрые мужи, а в согласии они могли бы погубить тысячи врагов» (VI, 24). Одним из средств борьбы с мятежниками он даже признает союз с внешним врагом (V, 19). Мятеж Алахиса в борьбе за трон — нарушение гражданского мира, ведущее к «великому избению народов» (V, 36). Репрессии с государственной точки зрения абсолютно оправданы (IV, 3, 13). Кознями злодеев объясняет он многие междоусобицы VII в. (IV, 51. V, 2).

⁹⁶ В легенде об Ариперте, который ночью ходит по городу и проверяет судей, Павел Диакон называет короля «благочестивым защитником правосудия, щедро раздающим милостыню своим подданным» (VI, 35).

⁹⁷ Убийство императора Константа Павел Диакон рассматривает, как акт возмездия за ограбление святых мест — «пришло и наказание за такие бедствия» (V, II). Расправа с мятежниками Лупо и Алахисом кажется историку справедливым воздаянием за козни и враждебность к церкви и католическому духовенству (V, 17, 18, 38, 39).

⁹⁸ Знатные фриульские девушки заслужили его одобрение своим патриотизмом и ненавистью к врагам, а жену герцога он порицает за предательство (IV, 37). Вызывает восхищение историка доблесть раба, вступившегося за честь королевы (IV, 47). С гордостью он рассказывает о храбрости простого фриульца, который со связанными руками сумел поразить врага копьем и бежать (VI, 24).

Талантливый и трудолюбивый историк, собравший богатый лангобардский фольклор, был внимательным бытописателем, которого интересовал духовный мир народа, его нравы и обычаи. Историк раскрывает содержание нравственных оценок, которыми руководствовалось лангобардское общество: верность данной клятве⁹⁹, обычай гостеприимства, уважение к памяти погибших воинов (V, 34). В мужчине ценили отвагу¹⁰⁰, в женщине — доброту, скромность, целомудрие¹⁰¹. Тщательность в подборе этнографического материала сближает сочинение Павла Диакона с лучшими этнографическими описаниями античных авторов.

Многие вопросы мировоззрения Павла Диакона еще ждут своего исследования, тем не менее складывается убеждение в том, что политические взгляды писателя имеют непосредственную связь с античной политической мыслью и возникновением политической идеологии IX в. Обоснование монархических начал в организации варварского королевства, пристальное внимание к проблеме взаимоотношений церкви и королевской власти, постановка вопроса о соотношении авторитета короля и правосудия — эти элементы политической теории раннего средневековья можно найти в «Истории лангобардов». Павел Диакон как историк и политик стоит на рубеже античной, византийской и раннесредневековой научной мысли.

Изучая творчество Павла Диакона, приходим к выводу о глубокой связи историка с римско-христианской духовной культурой. Эта связь проявляется не только в знакомстве со многими ее представителями, но и в творческом восприятии идейного наследия поздней античной историографии. В исто-

---

⁹⁹ Заслуживает восхищения смерть в доказательство верности покровителю (V, 3, 8, 10), пренебрежение почетом и богатствами ради сохранения клятвы в преданности (V, 4).

¹⁰⁰ Победа, по словам Павла Диакона, несет славу, поражение — личное бесчестье для короля (V, 10). Павел Диакон собрал много легенд и героических песен о подвигах фриульцев. Лангобарды ценили сильных, энергичных людей, называя их *strenui* (VI, 26). Самым тяжким оскорблением было слово трус — *arga*. Павел Диакон рассказывает предание о герцоге Фердульфе и скульпдахии Аргайте, их ссоре из-за насмешки над именем последнего (VI, 2).

¹⁰¹ Сага о Ромульде клеймит «блудницу», которая открыла ворота Фриуля врагу и готова была стать женой аварского короля. Историк считает заслуженной жестокою расправу над ней (12 аваров после надругательства посадили ее на кол). Для контраста с образом Ромульды Павел Диакон рассказывает о хитрости девушек, избежавших позора врагов, заключая, что их поступок всегда служил примером (IV, 37).

рических сочинениях римских авторов и в христианской апологетической литературе он находил обоснование идеи превосходства государственных начал над племенной раздробленностью варварского мира, черпал убеждение в высоком авторитете церковной организации и необходимости союза государства с церковью. Идеи правосудия и общественной пользы легли в основу его трактовки законности королевской власти. Павел Диакон воспринимал эти идеи в соответствии с реальной исторической действительностью своего времени. Идея римского единства у него перерастает в идею единства римского и варварского политического наследия на Западе в противовес Византии.

Павел Диакон продолжил лучшие традиции античной историографии. Ее влияние сказалось на методе исторического творчества писателя. В «Истории лангобардов» задумана и отчасти осуществлена схема построения во всеобще-историческом плане, дано хронологически последовательное историческое повествование о событиях в Западном и Восточном мире. По примеру своих римских предшественников он широко пользуется разнообразными типами источников: письменными, документальными, устной легендой, применяя метод критической оценки и отбора. Историография императорской эпохи оказала влияние на способ систематизации материала по внутренней истории лангобардов. Она излагается в основном как история правления отдельных королей с традиционным делением на события придворной жизни и внешней политики.

Занимательность рассказа, тщательная стилистическая обработка, драматизация многих событий делают «Историю лангобардов» близкой к произведениям античной историографии. Павел Диакон как историк принадлежит к тем лучшим представителям раннесредневековой историографии, которые своими трудами способствовали развитию европейской культуры на базе античного наследия.

Н. М. ЕЛИЗАРОВА

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ РАБСТВА В РИМЕ

I В. ДО Н. Э. (по данным Цицерона)

Уже в античности проявлялся интерес к проблемам рабства, который не ослабевает до наших дней. Даже реакционная буржуазная историография признает необходимым приложить